Мартина Мекко

Роман Якобсон в Нью-Йорке

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОССЮРА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИНГВИСТИКА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_326

Testenoire P-Y. Les cours de Roman Jakobson à l'École libre des hautes études. New York, 1942–1946.

Berlin: De Gruyter, 2025. — 450 p. — (Études de linguistique française).



Книга Пьера-Ива Тестенуара «Курсы Романа Якобсона в Свободной школе высших исследований. Нью-Йорк, 1942–1946» является значительным вкладом в изучение работ Якобсона и в целом в историю лингвистики и славистики второй трети XX в. Несомненно, Якобсон занимает в этих дисциплинарных полях особое место благодаря исключительному богатству его научного наследия и теоретико-методологическим новациям, которые он привнес в развитие гуманитарного знания. Это, в свою очередь, обусловливает актуальность всестороннего изучения всех этапов его интеллектуальной биографии. Тестенуар, признанный французский лингвист и историк лингвистики, обращается к одному из малоисследованных периодов в биографии ученого — пребыванию в Нью-Йорке[1] и сотрудничеству с открывшимся там в 1942 г. «университетом в изгнании» — Свободной школой высших исследований (далее — Школа).

Интерес к наследию Якобсона (его пик, вероятно, пришелся на рубеж XX–XXI вв.) вновь возрастает. В качестве примера можно назвать итальянский сборник статей 2018 г., куда вошли, в частности, работы Питера Штайнера и Марины Сорокиной, посвященные недостаточно исследованной теме — нетипичному положению Якобсона-эмигранта[2]. Особое значение имеет попытка Патрика Флака вывести изучение фигуры Якобсона за пределы индивидуальной перспективы, отдав предпочтение анализу его интеллектуальных связей для понимания эволюции теоретического мышления XX в.[3] Наконец, отметим обращение Игоря Пильщикова

1 Период, проведенный Якобсоном в Соединенных Штатах, а также его роль в американских университетах были впервые рассмотрены в статье Хенрика Барана: *Baran H.* Roman Jakobson and American Studies: The First Postwar Decade // Roczniki Humanisticzne. 2021. Vol. 69. № 2. P. 91–116. Баран обращает внимание на трудности, с которыми Якобсон столкнулся в нью-йоркский период, а также на нестабильность его институционального положения.

2 Roman Jakobson, linguistica e poetica / Ed. by E. Esposito, S. Sini, M. Castagneto. Milano: Ledizioni, 2018.

3 См.: *Flack P.* Squares, Circles and Triangulations: Roman Jakobson, the Prague Linguistic Circle and the Intellectual Configurations of Interwar Prague // Střed/Centre. 2024. № 2. P. 8–28.

к истории количественного подхода, что также служит ярким примером богатства и разнообразия современных работ о Якобсоне[4].

Эта новая волна интереса к фигуре Якобсона характеризуется повышенным вниманием исследователей к богатому и разнообразному собранию документов — как уже опубликованных, так и не публиковавшихся, — хранящемуся в фонде Якобсона в архиве Массачусетского технологического института[5]. Фонд включает в себя широкий спектр материалов: переписку, тетради с лекциями и докладами на конференциях, заметки, аудиозаписи, а также расшифровки (полные или частичные) курсов, прочитанных Якобсоном в американских университетах, где он работал в последние годы жизни. Огромный массив переписки ученого и его обширные связи с различными учреждениями — от американских до советских — позволяют реконструировать интеллектуальную, политическую и социальную динамику почти столетнего развития различных дисциплин, включая славистику и лингвистику.

Начиная с этапа систематизации и каталогизации, этот архив стал важным ориентиром для исследователей из разных академических областей, однако в последние годы можно видеть лишь немногочисленные инициативы по введению в научный оборот принципиально значимых, но до сих пор не опубликованных материалов, которым явно недостает критического анализа, позволяющего адекватно контекстуализировать их и соотнести с прижизненными публикациями Якобсона. В этой связи целесообразно упомянуть работы, посвященные изданию и комментированию таких материалов. Прежде всего это подготовленное Томашем Гланцем издание одной из так называемых «брненских тетрадей» — текстов лекций Якобсона, относящихся к периоду его преподавания в Масариковом университете (1933–1939)[6]. Существенный вклад внес также Индржих Томан, один из редакторов англоязычных «Избранных трудов» Якобсона, опубликовавший в чешской антологии некролог из архива Массачусетского технологического института, посвященный Арне Лаурину (*Arne Laurin*) — значимой фигуре немецкоязычной культурной сцены Праги межвоенного периода[7]. Дальнейший этап разработки корпуса связан с публикацией, осуществленной в 2025 г. Мартиной Мекко при участии чешской исследовательницы Марии Шкарповой: речь идет об очередной «брненской тетради», содержащей лекцию по древнечешской литературе для широкой аудитории[8]. Особое место в этом ряду занимает работа чешского исследователя Роберта Диттмана о вкладе Якобсона в изучение средневековых еврейских памятников из чешских земель[9]. Как показывают приведенные примеры, преимуществен-

---

4 См.: *Pilshchikov I.* Russian Quantitative Formalism and Modern-day Digital Corpora // Poetics Today. 2025. Vol. 46. № 3–4. P. 385–421.

5 С каталогом можно ознакомиться на сайте института (URL: https://archivesspace.mit.edu/repositories/2/resources/633).

6 *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; ред. Д. Сичинава; пер. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки славянских культур, 2011. Ранее тетрадь была опубликована на чешском языке (2005).

7 *Toman J.* Angažovaná čítanka Romana Jakobsona. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2017.

8 *Mecco M.* Jakobsonova brněnská přednáška o staročeské literatuře (1934) // Slovo a smysl. 2025. № 46. С. 123–134. Следует также упомянуть об обнаружении архива пражского германоязычного славистического журнала «Slavische Rundschau», с которым Якобсон активно сотрудничал с 1929 по 1939 г. Эти материалы в настоящее время вводятся в научный оборот Мартиной Мекко.

9 *Dittman R.* Roman Jakobson's Research into Judeo-Czech // Roman O. Jakobson: A Work in Progress / Ed. by T. Kubíček, A. Lass. Olomouc: Palacký University, 2014. P. 141–153. См. также: *Idem.* Jakobson, Masaryk und die tschechische politische Elite: Ein Beitrag zur Linguistikgeschichte des 20. Jahrhunderts in Mitteleuropa // Beiträge zum 8. Bohemicum

ное внимание исследователей до сих пор привлекали материалы, относящиеся к «чехословацкой фазе» научной деятельности Якобсона. Между тем упомянутый архивный фонд содержит значительный массив документов, связанных с его преподаванием в американских университетах, — не только конспектов, но и аудиозаписей лекционных курсов, что делает возможной филологически корректную их реконструкцию. Следует подчеркнуть, что педагогическая деятельность Якобсона остается сравнительно слабо разработанным аспектом его интеллектуального наследия, и рецензируемое здесь издание представляет собой новаторскую попытку систематического освоения этого проблемного поля.

Книга Тестенуара состоит из трех больших разделов. В первом реконструируется интеллектуальный и институциональный контекст предмета изучения, во втором представлен собственно анализ архивных источников, а третий содержит публикацию этих документов, снабженную развернутыми критическими комментариями. Таким образом, перед нами синтез критического издания и монографического исследования, реализованный в соответствии с методологическими установками современной истории идей. Заметим, что «Курсы Романа Якобсона…» не первая попытка автора обратиться к этой теме. В 2022 г. он опубликовал статью «Якобсон и К°: лингвистика в Свободной школе высших исследований»[10], целью которой было, по его словам, выявить реальные механизмы интеллектуального трансфера, скрывающиеся за мифологизированным нарративом о взаимодействии двух «героических фигур» структурализма — Романа Якобсона и Клода Леви-Стросса. В книге же задача сформулирована более широко: реконструировать связи между этими «героическими фигурами» на основе конкретных, ранее не публиковавшихся архивных документов, которые, как уже было сказано, и опубликованы в этом же томе.

Во вступительной части, опираясь на уже существующие исследования, Тестенуар рассматривает процесс создания Школы, уделяя особое внимание политико-идеологическим предпосылкам ее создания и источникам финансирования. Видя в этой институции ключевое интеллектуальное пространство для транснациональной эволюции структурной лингвистики, автор следует «французской модели» Патрика Флака, выделившего в эволюции структурализма три стадии: Соссюр — Якобсон — Леви-Стросс. Переход к третьей стадии Тестенуар и связывает со Школой, рассматривая ее как место интеллектуальной встречи двух ученых. Такая трактовка, пожалуй, чересчур франко- и якобсоноцентрична, то есть не отражает реальную сложность развития лингвистики в XX в. — нелинейного, многовекторного и трансдисциплинарного.

Во второй главе описываются документы, публикуемые во второй части книги, — часть курсов, читанных Якобсоном в Школе. Изучив в архиве записи преподавателя, записи слушателей, институциональные документы и аудиозаписи, Тестенуар обращает внимание на ораторское мастерство Якобсона, умевшего учитывать специфику аудитории (она не всегда состояла из лингвистов) и соответственно выстраивать свою риторическую стратегию. Ключевым моментом анализа является размышление о многофункциональности лекционных материалов: они «не только подготавливают устное выступление, но также выполняют функцию конструирования знания, предназначенного для передачи. Таким образом, конспекты лекций являются местами выработки знания» (с. 59). Публикация текстов, в которых автор предстает не только

Desdense: Tomáš Garrigue Masaryk (1850–1937) / Hg. von H. Kusse, H. Kusourová. München: Kubon & Sagner, 2016. S. 61–87.

10 *Testenoire P.-Y.* Jakobson & Co. La linguistique à l'École libre des hautes études // La linguistique et ses formes historiques d'organisation et de production / Sous la dir. de D. Samain, P.-Y. Testenoire. Paris: SHESL, 2022. P. 161–188.

ученым, но и педагогом, призвана не столько представить новые идеи, сколько задокументировать способы, которыми идеи передавались в университетской аудитории.

В третьей главе Тестенуар показывает эволюцию теоретической мысли Якобсона-языковеда в широком контексте лингвистических инноваций XX в. Здесь обсуждаются различие между *langue* (языком) и *parole* (речью) — начиная от соссюровского подхода и заканчивая поиском «логической оппозиции» между ними, понятие фонологии и взгляд Якобсона на историю фонологии до 1942 г., а также различие между синхронией и диахронией. Каждую из этих тем Тестенуар рассматривает в контексте нью-йоркских курсов, дополняя анализ ретроспективным осмыслением их развития у Якобсона, начиная с ранних работ.

Затем автор рассматривает лекции Якобсона по «Курсу общей лингвистики» Соссюра, отмечая в них сочетание ретроспективности и устремленности в будущее: «Они представляют собой своеобразный синтез достижений структурной лингвистики, сложившейся в Европе, и одновременно намечают новые направления исследований» (с. 127). Это наблюдение справедливо по отношению не только к нью-йоркским курсам Якобсона, но и в целом к его работе. Подобный синтез можно наблюдать уже в «чешском» периоде (1921–1939), например в монографии «О чешском стихе» (1923): с одной стороны, Якобсон обращается к теориям прошлого — иногда с целью их критики, как в случае с чешским стиховедом Йозефом Кралем, а иногда для заимствования и использования отдельных понятий, как в случае с французом Полем Верье, у которого взято понятие *temps marqué*; с другой — предлагает новый подход к изучению стиховой формы, дистанцируясь от традиции и применяя новейшие формалистские методы (он прямо ссылается на дискуссии с Осипом Бриком и Борисом Томашевским).

Тестенуар анализирует роль «Курса общей лингвистики» Соссюра в научной работе Якобсона и реконструирует заочный диалог двух лингвистов, выявляя методы языкового сопоставления, используемые Якобсоном. Опираясь на исследования Патрика Серио, он указывает на характерное для Якобсона предпочтение метода связывания (*méthode de liage*) элементов согласно двум принципам — переплетения (*entrelacement*) и проекции (*projection*)[11]. Далее автор обращается к библиографическим ссылкам, содержащимся в якобсоновском курсе, и классифицирует их по дисциплинам (литературные, философские и психологические источники) и языку (французские, немецкие и русские). Он также касается значения американской лингвистики, с которой Якобсон с момента прибытия в Соединенные Штаты находился в плодотворном контакте.

Пятая глава посвящена годам работы Якобсона в Школе — по Тестенуару, переходному периоду его научного творчества: «Этот период не дает, безусловно, наиболее значимых или наиболее известных работ лингвиста, но открывает новые исследовательские направления» (с. 181). Действительно, это было время нестабильности и неопределенности[12]. Однако внимание к чешско-еврейской традиции и изучение

---

11 Тестенуар находит эти концепты и в текстах, предшествовавших приезду Якобсона в Нью-Йорк, — например, усматривает понятие проекции в таких статьях, как «Новейшая русская поэзия» (2021) и «Заметки о прозе поэта Пастернака» (1935). Однако если в случае с курсом о Соссюре речь идет о якобсоновской методологии и риторической организации его аргументации, то в названных статьях понятие проекции выступает не частью анализа, а элементом анализируемой поэтики. Кроме того, в рассматриваемом фрагменте второй статьи термина «проекция» нет, зато есть понятие соответствия — ключевое для якобсоновской трактовки прозы Пастернака.

12 Ср.: *Баран Х., Душечкина Е.В.* Переписка С.И. Карцевского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования / Под ред. Х. Барана, С.И. Гиндина. М.: РГГУ, 1999. С. 180.

«Слова о полку Игореве», которые видятся автору примерами новых направлений, не были чем-то новым: интерес Якобсона к ним отчетливо прослеживается уже в чехословацкий период его деятельности. Скорее, работа в Школе, отмеченная, в частности, встречей с такими фигурами, как Марк Шефтель и Анри Грегуар, и, шире, нью-йоркская среда создали условия для развития уже намеченных исследовательских линий. Несмотря на указанную неточность, в целом глава представляет собой обстоятельный рассказ о том, как Якобсон интегрировался в нью-йоркские круги — динамическую систему, характеризуемую постоянным формированием личных связей, которые будут значимыми и после переезда Якобсона в Гарвард.

Как уже было сказано, последняя часть представляет собой текст четырех курсов, прочитанных Якобсоном в Школе. В этой связи уместно обратиться к статье «Как редактировать курс? Пример сотрудничества Луи Аве и Антуана Мейе», в которой Тестенуар рассмотрел сложности, возникающие в подобной работе[13]. Обсудив вопрос жанра, он сосредоточился на ключевой теме — передаче устной речи: есть структуральное напряжение между устным событием, по своей природе эфемерным и неповторимым, и его письменной фиксацией. В зависимости от используемых источников, будь то подготовительные записи преподавателя, аудиозаписи или конспекты студентов, радикально меняется характер создаваемого текста: в первом случае возникает проблема актуализации письма в устной речи, во втором — проблема транскрипции и неизбежного упрощения, в третьем — проблема избирательности и субъективности восприятия. Во всех случаях верность оригиналу под вопросом, поскольку любая опосредующая операция предполагает утрату, адаптацию и интерпретацию. Редакторские решения, таким образом, направлены на поиск баланса между двумя полюсами: сохранением следов устности (ритма, прерываний, обращений к аудитории) и нормализацией текста для придания ему читаемости. Издание курсов Тестенуаром основано на линейной транскрипции рукописей, без сохранения элементов, характерных для процесса письма. Орфографический и синтаксический строй при этом остается неизменным для сохранения принадлежности якобсоновских курсов к сфере устной речи.

В книге есть несколько пассажей, где используемая автором терминология вызывает вопросы. Это касается, например, термина *émigré* (эмигрант), применение которого для обозначения статуса Якобсона представляется некоторым упрощением. Как отмечала Марина Сорокина, правильнее относить ученого к категории «неформальные невозвращенцы»: такое определение позволяет выйти за рамки дихотомии «эмигрант — неэмигрант» и точнее описать сложные, институционально не фиксируемые формы интеллектуальной мобильности и невозвращения: «Для этих неформальных невозвращенцев вопрос гражданства был глубоко вторичен по сравнению с пониманием природы науки как интер-/над-/транснационального института/сообщества»[14]. В случае с чехословацким периодом соотнести фигуру Якобсона с контекстом эмиграции затруднительно потому, что он не был склонен участвовать в инициативах, организуемых эмигрантами. Кроме того, как видно по американскому (или американо-польскому[15]) периоду, хотя Якобсон под-

13 *Testenoire P.-Y.* Comment éditer un cours? L'exemple de la collaboration de Louis Havet et d'Antoine Meillet // Langages. 2018. № 1 (209). P. 35–57.

14 См.: *Сорокина М.* Нужна ли биография эмигранту? Роман Якобсон в московских архивах // Roman Jakobson, linguistica e poetica. P. 63.

15 Хотя этот период принято называть американским, некоторые исследователи, такие как Игорь Пильщиков и Данута Улицка, пишут об американо-польском периоде, учитывая важность польского академического контекста для Якобсона. См.: *Ulicka D.* Role społeczne uczonych: Roman Jakobson i Polacy // Teksty drugie. 2021. № 2. S. 260–280.

держивал тесные связи с представителями эмиграции и учеными из разных стран, он одновременно сохранял постоянные контакты с советской научной средой, так или иначе сотрудничая с нею. Следует также подчеркнуть, что и в «американский период» Якобсон неоднократно посещал Советский Союз по случаю научных конференций и конгрессов. В этом смысле, пожалуй, говорить о деятельности Якобсона, связанной со Школой, следует в терминах не эмиграции, а изгнания, учитывая гетерогенный статус участников Школы и неоднородный характер их биографических и институциональных траекторий.

Для изучающих наследие Якобсона рассмотренная книга полезна в нескольких отношениях. Мы уже отметили и значимость повторного обращения к документам, хранящимся в архивном фонде Якобсона, и необходимость введения в научный оборот материалов, не получивших должного освещения. Другой аспект касается важности более глубокого изучения американского периода его жизни. Необходимо стремиться к детальной реконструкции институционального и интеллектуального контекста Школы, уделяя внимание не только фигуре Якобсона, но и другим участникам этого научного сообщества, чья роль зачастую остается в его тени. Среди них, например, Анри Грегуар — несмотря на его большую роль в развитии бельгийской славистики и все его связи с Польшей и Чехословакией. Наконец, метод редактирования и публикации источников, предложенный Тестенуаром, может послужить ориентиром в будущей работе с архивными документами, представляющими интерес не только для лингвистики или славистики, но и в более широкой, междисциплинарной перспективе.